

Глава 1

В понедельник утром Маргарет, как всегда, села рядом со мной в школьном автобусе. И первое, что она сказала, было:

— Ты кошмарно выглядишь! Под глазами мешки, вся бледная, глаза не горят. Что случилось?

— У меня нервный срыв, — объявила я. — Мои повесили дома объявление, что сегодня у нас семейный совет, а я не знаю, провинилась я в чём-нибудь или нет, — только вечером выясню. Придётся ждать!

— Конечно, провинилась, — сказала Маргарет. — Наверняка у тебя крупные неприятности. На такой случай рекомендую ярко-розовые румяна и тени для век с блёсточками.

На зимних каникулах Маргарет съездила к своему отцу в Калифорнию. И не просто в Калифорнию — в Голливуд! А когда вернулась, мне пришлось целую вечность выслушивать её восторги насчёт новой папиной подружки, Хизер.

— Она художник-гримёр. Гримирует актёров для его рекламных роликов, — мурлыкала Маргарет, будто она сама была влюблена в эту самую Хизер.

— Красить актёров — ещё не значит быть художником, — сообщила я Маргарет. — Вот моя мама — художница. А твоя Хизер — нет.

— Хизер тоже художница! — фыркнула Маргарет. — Между прочим, она научила меня кое-каким профессиональным приёмам. — И пошла болтать про то, как правильно накладывать блеск для губ и рисовать стрелки на глазах и всё такое прочее. И вещала и вещала, я уж думала, умру от скуки.

Как только Маргарет заводит разговор о косметике, я сразу чувствую себя, как когда мы провожали бабушку и дедушку в аэропорт, — они переезжали во Флориду. Ужасно одиноко, вот как. Маргарет, правда, никуда не переезжает, но едва она начинает про помаду и тушь, я снова будто попадаю в аэропорт, а она садится на самолёт и куда-то улетает без меня.

— Да не нужны мне никакие румяна! — воскликнула я. То есть завопила. — И вообще никакой макияж не нужен. Мне нужно просто выяснить, провинилась я или нет. Из-за меня семейный совет или как!

Маргарет в ответ только закатила глаза. Потом достала какую-то серебряную штучку вроде пули. Я отодвинулась.

— Ты что, губы красишь? — Я так и ахнула.

Маргарет раскрутила тюбик с помадой, выпятила губы, намазала их и повернулась ко мне.

— Да! — ответила она. Почмокала губами: чмок-чмок-чмок. — Ну и что такого? Перед школой сотру.

— Мар-га-рет! — отчеканила я. — Тебе всего де-сять! Де-сять лет!

День рождения Маргарет успела отметить в Голливуде. И с тех пор ведёт себя так, будто ей стукнуло целых двадцать пять или больше.

Я её иногда просто не узнаю. И потом она не отмечала день рождения дома, так что я не попала к ней на праздник.

Маргарет опять выпятила блестящие розовые губы.

— Хизер говорит, я для своих лет выгляжу очень взросло, — похвалилась она и помахала у меня перед носом помадой. — Хочешь накраситься?

Я показала пальцем себе на губы.

— Ты что, у меня же микробы во рту! — напомнила я. — Прямо чувствую, как они там ползают.

Маргарет в ужасе отёрнула руку с помадой. И весь остаток пути как маньяк протирала все свои вещички антибактериальным гелем. Хоть это в ней осталось от прежней Маргарет: та тоже боялась микробов.

Я вынула из рюкзака папку с надписью «Важные документы», и — о счастье! — наш с Уэйлоном

отчёт о выставке научных проектов так и лежал там! Целый и невредимый! Мне полагалось хранить его до конца проекта, но я страшно боялась потерять отчёт. Поэтому каждый раз как найду, так радуюсь.

Стала перечитывать отчёт — успокоилась. Всё потому, что в последнее время мне очень нравятся уроки природоведения.

Раньше было не так. Поначалу они меня ужасно разочаровали, честное слово.

В первый день в третьем классе миссис Резник, которая ведёт у нас природоведение, сказала целую речь о том, какой у нас будет интересный год.

Я рассматривала кабинет природоведения.

Обезьянок в войлочных шапочках с подключёнными электродами нет. Загадочных инопланетян в зелёной слизи нет. Человеческих голов под стеклянными колпаками — тоже нет, а могли бы стоять и разговаривать друг с другом. В общем, ничего такого, что я видела в кино! Правда, папе с мамой я про содержание фильма не рассказала, потому что мне и без того в наказание на неделю запретили ходить в кино. А заодно влетело и дяде Фрэнку, который водил меня на этот ужастик.

Итак, никаких таинственных пробирок и дыма над ними в кабинете не было. Пульты управления ракетами тоже. Просто какие-то плакаты по стенам и высокие столы с раковинами. Можно подумать,

мы пришли на урок природоведения мыть руки! Маргарет рассказывала мне, как ей нравятся эти уроки, и теперь я, кажется, поняла почему. Она всегда говорит: «Пошли помоем руки», будто зовёт на какой-то праздник с пирожными и воздушными шариками.

— У кого-нибудь есть вопросы? — спросила в тот первый день миссис Резник.

Конечно, у меня. Я хотела спросить: «По-вашему, это кабинет природоведения? Где тут наука?» Но вместо этого сказала самым вежливым-превежливым тоном:

— Простите, кажется, тут какая-то ошибка.

— Ошибка? — переспросила учительница.

— Да, — ответила я. — Я попала не в тот кабинет.

— Не в тот? — переспросила миссис Резник.

Я кивнула.

— Ну да, мне-то нужен кабинет, где есть камера, в которой превращают в невидимок, и ещё такой стол, на котором сшивают человека из кусочков, и он оживает, и ещё — мозги мутантов в стеклянных банках. В общем, лаборатория, где проводят эксперименты.

— Я тоже хочу в такой кабинет! — воскликнул Уэйлон. Я ему улыбнулась.

— О, здесь мы проводим множество разных экспериментов, — сказала миссис Резник. — Нас ждёт очень увлекательный год.

Она говорила очень мило, так что я промолчала и не стала огорчать её ещё кое-чем. Не сказала, что у неё неправильная причёска. Все, кто занимается научными экспериментами, должны выглядеть как чокнутый профессор: волосы дыбом. А у неё волосы лежали как у обычной тётеньки — продавщицы в магазине или мамы из рекламного ролика. Может, миссис Резник этого стеснялась.

Сейчас я уже полюбила уроки природоведения. Миссис Резник — хорошая учительница, хотя причёска у неё по-прежнему неправильная. И выставка научных проектов — отличная затея. И наша лабораторная крыса Восьмёрка мне нравится. И Уэйлон — мне его назначили напарником. Вообще-то Уэйлона хотели заполучить в напарники все, потому что в третьем классе он самый учёный. Но он выбрал меня: ведь я единственная верю, что он, когда вырастет, станет супергероем.

А сегодня урок природоведения манил меня ещё кое-чем. На целых сорок минут я отвлекусь и забуду про наш семейный совет или про то, как Маргарет чмокает напомаженными губами.

— Приехали, — сказала я. — Сотри помаду, Маргарет.

Она наморщила нос, но губы вытерла.

Понедельник шёл ужасно скучно, пока не наступила очередь урока природоведения. В кабинете я сразу заметила: кое-что неладно. Подбежала к крысиным клеткам. Так и есть.

— Восьмёрка пропала! — воскликнула я.

Взяла блюдце со смесью зёрнышек — мы ими кормим крыс в награду. Погремела ими. Позвала:

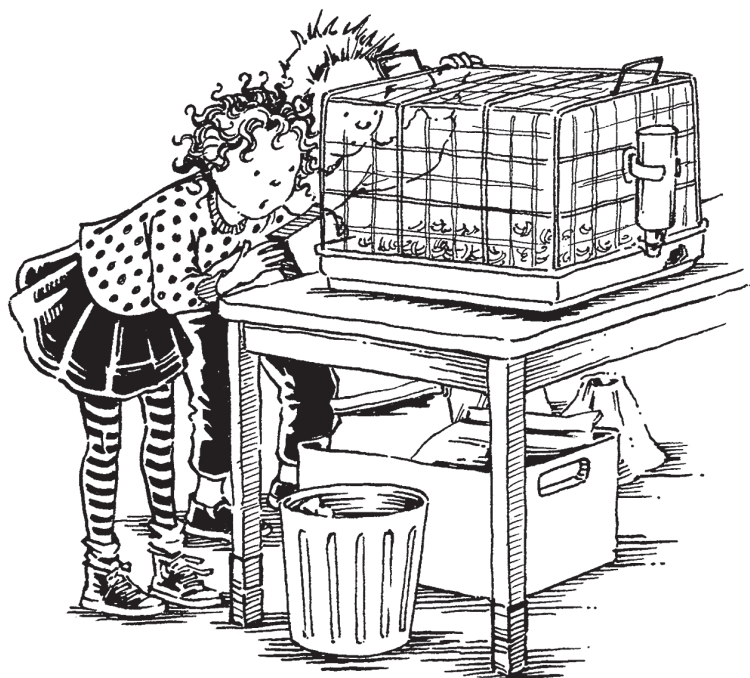
— Восьмёрка! Восьмёрка!

Уэйлон копался в опилках на дне клетки.

— Точно пропала, — объявил он.

Подошла миссис Резник, заглянула в клетку.

— В пятницу, когда я уходила, все крысы были на месте. Осмотрите клетку ещё раз — уверена, она прячется.

Я тоже поворошила опилки и стружки. Ага!

— Смотрите! — сказала я. Под поилкой в дальнем углу клетки была прогрызена внушительная дыра в днище. Размером с крысу. Днище-то пластиковое.

Миссис Резник озабоченно нахмурилась.

— Наверное, она удрала ещё в пятницу. Давайте-ка поищем в кабинете.

Мы обыскали весь класс. Перетряхнули макеты вулканов, которые сделали второклашки. Перекопали землю в подносиках, где четвероклассники посадили семена. Перерыли коллекции минералов — их собрали пятиклассники. Даже в рулоне бумажных полотенец и то посмотрели.

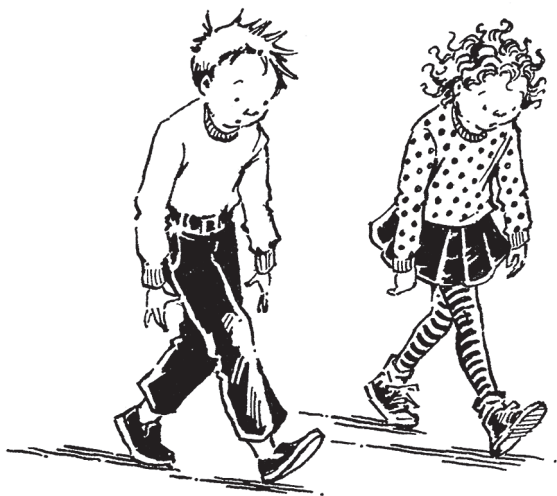
Восьмёрки нигде не было.

Остальные ребята снова занялись дрессировкой своих крыс. А мы с Уэйлоном так и обыскивали кабинет. Прозвенел звонок с урока, но Восьмёрку мы не нашли.

— Может, она вернётся, когда я буду кормить остальных крыс днём, — попыталась успокоить нас миссис Резник. — Ступайте на следующий урок.

— Хорошо, — уныло сказали мы с Уэйлоном и побрели прочь. Чего уж тут хорошего.

У меня уже был кошмарный случай, когда пропал мой котёнок Лосьон. Я тогда ужасно переволновалась: постоянно думала, как он напугался или вдруг поранился, и ещё изводилась, что я во всём виновата. Вот и сейчас я чувствовала то же самое.

Весь день я волновалась за маленькую белую крысу. Наш учитель, наверное, раз сто сказал мне: «Клементина, будь внимательнее!» — а я была очень даже внимательна.

Я обратила внимание, что у Марии на ногах тяжеленные ботинки, у которых подошва как у трактора, и встревожилась: а вдруг на Восьмёрку кто-нибудь наступит? Я обратила внимание, что за окном снег и лёд, и представила, как замёрзнет бедная крыска, если удерёт на улицу. А когда по коридору прошёл школьный уборщик, я обратила внимание на его здоровенный пылесос и подумала: да ведь если маленькую белую крысу засосёт внутрь, уборщик даже не заметит. В конце концов я спросила себя: а в нашей школе есть измельчитель мусора? И так разволновалась, что у меня чуть не приключился сердечный приступ.

Прошло триста часов, и вот прозвенел звонок с уроков. Я схватила куртку и рюкзак и спросила учителя:

— А можно я схожу в кабинет природоведения?

Он кивнул на часы.

— Только не опоздай на школьный автобус.

Звонок с уроков у нас в два пятнадцать, а автобусы — в два двадцать, мой отходит от школы вторым, то есть в два двадцать восемь. Итого у меня было тринадцать минут.

— Успею, — бросила я.

Завела внутренний будильник на двенадцать минут — ведь одну я уже потратила на разговор. Внутренний будильник у меня очень точный, так что я никогда никуда не опаздываю. Ну, ладно, если честно, опаздываю я частенько, но только потому, что забываю заводить внутренний будильник. Но сейчас не забыла.

Я помчалась по коридору, хотя школьные правила бегать запрещают, и через пятьдесят одну секунду была в кабинете природоведения. Куртку и рюкзак бросила на книжный стеллаж, а сама кинулась к клетке.

— Она не вернулась? — спросила я у миссис Резник.

— Кто?

— Наша крыса, Восьмёрка, она пропала, — напомнила я учительнице тихим вежливым тоном.

Вот бы таким тоном разговаривали со мной, когда я что-нибудь забываю! — Крыса не вернулась, когда вы их всех кормили?

— Мне очень жаль, но нет, — ответила миссис Резник.

Я насыпала перед клеткой немножко корма — на случай, если Восьмёрка вернётся, а потом у меня зазвонил внутренний будильник: пора на автобус. Всю дорогу домой я волновалась за маленькую белую крысу так, что голова разболелась.